

О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ФОЛЬКЛОРУ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ В КОНЦЕ 1920-х ГОДОВ

*Редькова Е. С.*¹

¹ Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, ул. Глинки, 2 А, Санкт-Петербург, 190068, Россия.

Становление научно-музыкального направления в Ленинградской государственной консерватории во второй половине 1920-х годов связано с разработкой учебных программ, началом подготовки исследовательских и педагогических кадров. Данный период — важная веха не только в развитии отечественного музыкознания в целом, но и этномузыкологии, поскольку с конца 1920-х годов в консерватории стали готовить и специалистов по музыкальному фольклору. Значительная роль в этом принадлежит Б. В. Асафьеву, не только развивавшему музыкально-фольклористическую специализацию, но и ориентировавшему некоторых своих учеников на изучение народной музыки.

На основе впервые вводимых в научный оборот документов из Архива Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга раскрываются некоторые вопросы, касающиеся учебного процесса, выявляются выпускники, изучавшие дисциплины, связанные с народной музыкой, устанавливается круг преподавателей. Понимание истории развития образования в области музыкального фольклора — важный этап на пути к пониманию принципов формирования научной школы Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории, а также некоторых общих закономерностей развития отечественной науки о музыкальном фольклоре. В их числе взаимообусловленность научно-исследовательского (теоретического и практического) и образовательного направлений, которая проявилась в изначальной системной связи экспедиционной работы с формированием специализированных фоноархивов, на базе которых должны осуществляться исследования музыкального фольклора, а также привлечением к решению этих научных задач молодых специалистов еще на этапе их обучения.

Ключевые слова: Б. В. Асафьев, Е. В. Гиппиус, Х. С. Кушнарв, Ленинградская консерватория, научно-музыкальное отделение, музыкально-этнографическая специализация, фольклорно-этнографические экспедиции.

ON THE TRAINING OF SPECIALISTS IN MUSICAL FOLKLORE AT LENINGRAD STATE CONSERVATORY IN THE LATE 1920s

*Redkova E. S.*¹

¹ Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, 2A Glinki St., St. Petersburg 190068, Russian Federation.

The development of the scientific and musical direction at Leningrad State Conservatory in the second half of the 1920s is associated with the development of curricula and the beginning of the training of research and teaching staff. This period is an important milestone not only in the development of domestic musicology in general, but also in ethnomusicology, since from the end of the 1920s the conservatory began to train specialists in musical folklore. A significant role in this belongs to B. V. Asafiev, who not only developed the musical and folkloristic specialization, but also oriented some of his students toward the study of folk music.

Based on documents from the Archive of St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory and the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg, introduced into scientific circulation for the first time, some issues related to the educational process are revealed, graduates who studied disciplines related to folk music are identified, and the circle of teachers is established. Understanding the history of the development of education in the field of musical folklore is an important step towards understanding the principles of the formation of the scientific school of St. Petersburg (Leningrad) Conservatory, as well as some general patterns of development of the domestic science of musical folklore. Among them is the interdependence of scientific research (theoretical and practical) and educational directions, which was manifested in the initial systemic connection of expeditionary work with the formation of specialized phonoarchives, on the basis of which research into musical folklore should be carried out, and the involvement of young specialists in solving these scientific problems even at the stage of their training.

Keywords: B. V. Asafiev, E. V. Gippius, H. S. Kushnarev, Leningrad State Conservatory, scientific and musical department, musical and ethnographic specialization, folklore and ethnographic expeditions.

Период второй половины 1920-х годов в истории Ленинградской консерватории связан с развитием исследовательского направления. С 1925/1926 учебного года на научно-композиторском факультете стало функционировать научно-музыкальное отделение, впервые в отечественном музыкальном

образовании перед вузом ставилась задача подготовки специалистов в области истории и теории музыки. Важной фигурой, стоявшей у основания этих преобразований, был Борис Владимирович Асафьев. Не вызывает сомнения и вклад Б. В. Асафьева в разработку программ по подготовке специалистов в сфере «музыкальной этнографии»¹. В связи с изучением истории данного вопроса особый интерес вызывает публикация Л. Г. Данько разработанных Б. В. Асафьевым учебных планов научно-музыкального отделения² [2]. По ним можно судить о комплексном университетском подходе к организации образования. Как указывает Л. Г. Данько, основные дисциплины осваивались всеми студентами отделения в обязательном порядке, а для получения специализации (в 1928 году — исследовательской или педагогической, по выбору обучающегося) следовало пройти специальные семинарии и курсы. Предметы, связанные с музыкальным фольклором, могли взять для изучения те, кто планировал получить исследовательскую специализацию. Так, в план 1928 года по кафедре музыкальной этнографии и сравнительного музыкознания, были включены: «1. Русская народная песня (включая на III курсе семинарий по изучению взаимоотношения русской речевой и музыкальной интонации); 2. Основы сравнительного музыкознания; 3. Музыка народов СССР; 4. Музыкальное краеведение и прикладная музыкальная этнография; 5. Семинарий или специальный курс» [2, с. 102–103]. План музыковедческого отделения весной 1929 года был отредактирован, позволял завершать обучение по одной из четырех специализаций на выбор: музыкально-теоретической, музыкально-исторической, музыкально-критической, музыкально-этнографической. Для оканчивающих консерваторию по музыкально-этнографическому направлению необходимо было прослушать дисциплины на кафедре музыкальной этнографии и материальной культуры: «1. Общее учение о музыкальных инструментах в связи с их систематикой и морфологией; 2. История музыкальных инструментов; 3. Основы музыкальной этнографии; 4. Музыка народов СССР; 5. Практикум по описанию и определению музыкальных инструментов; 6. Практикум по технике фонографических записей и расшифровок; 7. Специальный семинарий» [2, с. 104–105]. С момента публикации этих документов прошло более двадцати лет, однако до сих пор нет полной информации о преподавателях, контингенте обучающихся, выпускниках по музыкально-этнографической специализации. Изучение документальных

¹ О вкладе Б. В. Асафьева в развитие этномузыкологии, в том числе о специфике некоторых учебных дисциплин см.: [1].

² Отметим и деятельность А. В. Оссовского, который поддерживал Б. В. Асафьева, принимал активное участие в согласовании, разработке и продвижении учебных программ, являясь в тот период проректором по учебной работе.

материалов консерватории, хранящихся в архиве вуза и Центральном государственном архиве искусства и литературы Санкт-Петербурга, позволяет приблизиться к раскрытию некоторых из обозначенных вопросов.

Среди учеников Б. В. Асафьева наиболее известным этномузыкологом, существенно повлиявшим на развитие данного научного направления в стране, был Евгений Владимирович Гиппиус. Сегодня фактам его биографии, изучению научного наследия уделяется значительное внимание, однако до сих пор сведений об обучении и начале работы в консерватории известно лишь в общих чертах. Посвятив 100-летию Е. В. Гиппиуса публикацию статей и материалов, Е. А. Дорохова и О. А. Пашина характеризуют жизненный и творческий путь ученого, приводя об этом периоде его биографии следующие сведения: «С 1917 года стал брать уроки теории композиции у Б. В. Асафьева. В 1922 году Гиппиус поступил в Петроградскую государственную консерваторию, где учился сразу на нескольких отделениях (класс теории и композиции М. О. Штейнберга, дирижерский класс проф. Н. А. Малько, музыковедческое отделение — класс проф. Б. В. Асафьева), закончив полный курс в 1928 году» [3, с. 7].

Факт окончания консерватории в 1928 году подтверждается данными личного дела Е. В. Гиппиуса, в частности, выпиской из протокола № 25 заседания правления Ленинградской государственной консерватории от 9 июня 1928 года, в которой указано, что обучение на музыкально-научном отделении он завершил вместе со студентом Зандером (указание специализации отсутствует) [4, л. 13].

В протоколе № 2 заседания правления научно-музыкального отделения³ научно-композиторского факультета Ленинградской государственной консерватории от 27 апреля 1928 года приводится список дисциплин, которые студенту Е. В. Гиппиусу было необходимо сдать для завершения обучения: «Для окончания предложить иметь зачеты по следующим предметам: Введение в музыкознание, мелодика, гармония, полифония, fuga, инструментовка, анализ фактуры, анализ формы, органика, история оркестра в связи с эволюцией партитуры, чтение партитуры, общая история музыки, методология истории музыки, русская народная песня, основы сравнительного музыкознания, муз. краеведение и прикладн. муз. этнография, история муз. нотаций, русская семейография, источниковедение, акустика, сольфеджио, обязат. фортепиано, новый язык, общественно-полит. и военный минимум. Считать возможным принятие от него комбинированных зачетов» [5, л. 31]. Данный перечень дисциплин согласуется с учебным планом 1928 года научно-музыкального отделения, а по рекомендованным к сдаче курсам можно сделать вывод о том, что Е. В. Гиппиус

³ Присутствовали Б. В. Асафьев, С. Л. Гинзбург, П. Б. Рязанов и студент Н. Н. Сергеев.

завершал обучение по «исследовательскому уклону». Отметим, что по кафедре музыкальной этнографии и сравнительного музыкознания перечислены практически все дисциплины, за исключением «Музыки народов СССР».

Из текста протокола заседания научно-музыкального отделения № 3 от 4 мая 1928 года следует, что учебный процесс в первые годы работы отделения был не вполне отлажен, не хватало преподавателей, в связи с этим по решению пленума консерватории требовалось закрепить за каждым предметом специалиста, «знающего его в полном объеме и отвечающего за его преподавание» [5, л. 33]. Однако кадровый вопрос удалось решить частично, ряд дисциплин читались аспирантами Б. В. Асафьева под его руководством, например, к «Психологии музыкального творчества» привлекли Ю. К. Белого, а «Музыкальное источниковедение» поручили Г. П. Орлову. Не были закреплены преподаватели за «Психологией и психофизиологией», «Новым языком» (французским). Музыкальные дисциплины распределились следующим образом: «Считать специалистом по имеющимся на 4 курсах отделения предметам: "Введение в музыкознание" — Б. В. Асафьева; "Мелодики" — П. Б. Рязанова; "Гармонии" — Ю. Н. Тюлина; "Полифонии" — Х. С. Кушнарева; "Фуги" — Х. С. Кушнарева; "Инструментоведения" — М. М. Чернова; "Оркестровки" — М. М. Чернова; "Анализа фактуры" — Ю. Н. Тюлина; "Анализа форм" — В. В. Щербачева; "Органики" — С. Л. Гинзбурга; "Истории муз. инструмент." — С. Л. Гинзбурга; "Истории оркестра" — С. Л. Гинзбурга; "Практич. занятий по чтен. партитур" — В. А. Дранишникова; "Общей истории музыки" — Б. В. Асафьева; "Истории музыкальной литературы" — А. В. Оссовского; "Истории и систематики муз.-эст. воззрений" — А. В. Оссовского; "Русской народной песни" — П. Б. Рязанова; "Основы сравнит. музыкознания" — Б. В. Асафьева; "Истории муз. нотации" — А. В. Оссовского; "Русской семейнографии" — А. В. Преображенского <...>. "Акустики" — Г. М. Римского-Корсакова <...>. "Сольфеджио" — М. А. Юдина» [5, л. 33].

Возвращаясь к вопросу о выпускниках научно-музыкального отделения, хотелось бы остановиться на некоторых сведениях о Юрии (в некоторых документах Георгии) Александровиче Зандере⁴. Изучение личного дела дает осно-

⁴ Ю. А. Зандер родился 20 сентября 1898 г. в городе Боржом в семье врача, в г. Петрограде окончил Училище Св. Петра (Четвертую единую трудовую школу). С 1919 по 1923 г. был краснофлотцем (комсостав флота). В августе 1921 г. подал заявление с просьбой принять его по специальной теории композиции. Поступил сначала в класс В. П. Калафати, с 1922 г. перешел к М. О. Штейнбергу, в 1926 г. был переведен в класс Б. В. Асафьева. Параллельно с обучением в консерватории работал в Третьей государственной музыкальной школе (вел «Историю музыки»), в 1922–1925 гг. состоял на службе в Государственном институте истории искусств в должности научного сотрудника 2 категории сверх штата без жалования, подрабатывал в ТЮЗе, пианистом в живой газете «Комсоглаз». В 1929 г. пытался поступить в аспирантуру консерватории, но получил отказ [6].

вание высказать предположение о его причастности к собирательской работе и открывает перспективу уточнить ряд фактов, касающихся первых экспедиций, которые осуществлялись преподавателями и студентами Ленинградской консерватории с 1927 года.

Из свидетельства от 13 июня 1928 года узнаем, что к 1927 году Ю. А. Зандер прослушал курс «Русского народного творчества»: *«На основании Положения о Ленинградской и Московской консерваториях выдано настоящее свидетельство Правлением Ленинградской государственной консерватории в том, что гражданин Зандер Георгий Александрович, родившийся в 1898 г., поступил в Ленинградскую государственную консерваторию в 1921 г. на Научно-композиторский факультет и в 1927 г. окончил таковой по музыкально-научному отделению, пройдя курсы: элементарной теории, сольфеджио, гармонии, инструментовки, контрапункта, фуги, мелодики, формы, истории музыки, русского народного творчества, исторического материализма и общего курса фортепиано и сдав все установленные учебным планом зачеты. Вследствие чего, как обладающий соответствующим общеобразовательным цензом, гражданин Зандер является кандидатом на получение в установленном порядке диплома на квалификацию ХУДОЖНИКА ПО МУЗЫКОВЕДЕНИЮ»*⁵ [6, л. 20 А].

5 мая 1927 года Ю. А. Зандер направил в правление Ленинградской консерватории заявление следующего содержания: *«По постановлению Совета Научно-композиторского факультета я командируюсь 25 июля на производственную практику на южный Кавказ по собиранию и записи кавказских народных песен. При этом 15 июня с. г. я принужден выехать по тому же маршруту [Ленинград – Тифлис] для показательной работы среди рабочих организаций и профорганизаций [показательные представления новой советской оперетты “В трех соснах” моего сочинения]. Ввиду совпадения маршрутов и вступления моего в состав экспедиции в Тифлис, ходатайствую о выдаче мне проездных документов, полагающихся мне по командировке, с 15 сего июня»* [6, л. 13]. То, что летом 1927 года Х. С. Кушнаревым,

⁵ В данном документе год окончания указан как 1927-й, в дело вложены рукописные черновики и машинопись без подписей ректора и проректора по учебной работе. Вероятно, свидетельство было подготовлено, но не подписано, т. к. срок окончания консерватории был перенесен. Имеющаяся в деле письменная работа по анализу сонаты Листа h-moll, проверенная Б. В. Асафьевым 30.01.1928, содержит его рукописную резолюцию: *«Считаю возможным данную работу Ю. А. Зандера по форме зачесть и выдать ему [неразб. – вариант прочтения «повторно»] свидетельство об окончании»* [6, л. 16]. Отметим, что переносы дисциплин с курса на курс, в том числе по причинам отсутствия возможности прочитать студентам какие-либо лекции в связи с перегрузкой или отсутствием преподавателя, как и переходы студента с одной специальности на другую (особенно в рамках инструкторско-педагогического и научно-композиторского факультетов), были распространенным явлением, влиявшим на срок обучения в консерватории.

Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд была осуществлена экспедиция в Грузинскую и Армянскую ССР⁶, — хорошо известный в истории науки факт, однако среди участников Ю. А. Зандер не упоминался. Вопрос, безусловно, требует дальнейшего исследования с целью поиска документальных источников, которые, возможно, подтвердят участие в полевой работе и этого ученика Б. В. Асафьева, одного из первых выпускников научно-музыкального отделения консерватории.

Подчеркнем еще и то, что в приведенном документе указывается о направлении студента на производственную практику в экспедицию. Случившееся незадолго до этого (1 марта 1927 года) открытие в консерватории по инициативе Б. В. Асафьева этнографического кабинета⁷ при научно-музыкальном отделении было связано с обеспечением планируемых экспедиций⁸ и хранением записанных материалов. Предполагалось, что данное подразделение вуза в первую очередь обратится к сбору и исследованию музыкального фольклора народов СССР⁹. К началу 1930-х годов в этнографическом кабинете консерватории было сформировано собрание звукозаписей музыки различных народов (около 500 фоноваликов)¹⁰. Благодаря усилиям

⁶ Позже фонографические записи, сделанные в Закавказье, были переданы при участии Е. В. Гиппиуса вместе с другими записями из Музыкально-этнографического кабинета консерватории в Фонограммархив Института русской литературы Академии наук СССР, сейчас вместе с материалами других экспедиций 1928–1930-х гг. они составляют его исторические коллекции, включенные в список всемирного документального наследия программы ЮНЕСКО «Память мира».

⁷ В названии кабинета встречаются разночтения: этнографический кабинет, кабинет музыкальной этнографии, музыкально-этнографический кабинет.

⁸ Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что фольклорные экспедиции этнографического кабинета консерватории, проводимые в рамках практики, были скоординированы с научной деятельностью Государственного института истории искусств, подчинялись единому плану, реализация которого в перспективе должна была способствовать формированию фундаментального собрания звукозаписей музыкального фольклора в масштабах страны. На базе института с 1926 г. организовывались комплексные экспедиции на Русский Север, что закономерно, т. к. в структуре института были секции и специалисты различных научных направлений. По линии кабинета консерватории проводились специализированные экспедиции с целью фиксации музыкальной культуры народов СССР (см. [7], [8]).

⁹ Показательно, что одно из первых упоминаний о кабинете народного музыкального творчества Ленинградской консерватории в публикации происходит именно в этом контексте: «1 марта 1927 года был основан этнографический кабинет, немедленно приступивший к собиранию фонографических записей песен наименьшинств» [9, с. 124].

¹⁰ Подробнее об этой экспедиции см. [8].

Х. С. Кушнарева¹¹, особенно масштабно в фонде кабинета был представлен материал по Закавказью. Кроме упомянутой экспедиции 1927 года, в 1928-м в Грузии работал Ш. С. Асланишвили, в 1928–1929-м — в Армении и Грузии делали записи Х. С. Кушнарев, Ю. Н. Тюлин, а также студенты Т. Г. Тер-Мартirosян и А. Л. Степанян. В коллекцию музыкально-этнографического кабинета консерватории также входили: материалы стационарных экспедиций Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1927–1929 годов, проходивших в Ленинграде в Центральном институте живых восточных языков с целью фиксации музыки различных национальностей от прибывших из республик студентов; звукозаписи, сделанные ими же в экспедиции 1927 года в Узбекистане; фоновалики экспедиции В. К. Томилина 1930 года, привезенные из Чувашии; переданные записи из экспедиции в Оренбургскую губернию в 1899 году С. Г. Рыбакова и 1911 года в Волынскую губернию — С. А. Рапопорта (Ан-ского). Думается, что опыт экспедиционной работы, предпринятый на базе этнографического кабинета Ленинградской консерватории, послужил основой для разработки важного для отечественной науки проекта «Песни народов СССР», впоследствии задуманного Е. В. Гиппиусом¹².

Как отмечалось выше, в качестве самостоятельной музыкально-этнографическая специализация на научно-музыкальном отделении была выделена в учебном плане в 1929 году. В «Списке окончивших Ленинградскую консерваторию в учебных годах: 1929–1930, 1930–1931, 1932–1933, 1935–1936» содержится запись о Вере Николаевне Ногтевой-Левашевой¹³, которая указана

¹¹ Неслучайно даже в таком формальном кадровом документе, как «Список членов совета Историко-теоретического факультета ЛОЛГК», Х. С. Кушнарев получил такую характеристику: «Известный композитор-музыковед. Один из лучших специалистов по полифонии. Знаток народной песни, особенно армянской. Активный общественный деятель. Награжден орденом Трудового Красного Знамени» [10, л. 35].

¹² «В течение предвоенного десятилетия под руководством Е. В. Гиппиуса работали свыше двадцати песенных экспедиций по теме “Песенный фольклор народов СССР”. По результатам этой работы Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд были подготовлены к публикации первые шесть томов серии: белорусский, удмуртский, чувашский, осетинский, карельский и коми. Из них увидел свет лишь один — «Белорусские народные песни» (1941). Остальные не были изданы в связи с началом войны, однако вступительные исследовательские статьи к некоторым из этих томов (карельскому и удмуртскому) были опубликованы в журналах» [3, с. 10].

¹³ В. Н. Ногтева родилась 7 октября 1901 г. в Оренбурге. Детство провела в Фергане, где отец был заведующим мельницей. В 1918-м окончила Первую Скобелевскую женскую гимназию, музыкальное образование начала в Ташкенте в Государственном музыкальном техникуме, а продолжила в Ленинграде во Втором музыкальном техникуме (гармонию осваивала в классе Ю. Н. Тюлина). Вторая часть фамилии получена в замужестве за И. В. Левашовым, с которым в 1926 г. развелась. В Ленинграде В. Н. Ногтева известна как педагог-теоретик, а позже директор Государственной музыкальной школы для взрослых имени Н. А. Римского-Корсакова. В годы Великой Отечественной войны трудилась в блокадном городе, за работы по очистке которого (была начальником санитарного звена) получила медаль «За оборону Ленинграда» [11].

в списке оканчивающих консерваторию в декабре 1930 года по музыкально-теоретическому факультету с пометкой «Музыковед. Теор. и этнограф.» [12, л. 5 об.]. Данная запись фактически является первым найденным подтверждением наличия контингента по специализации.

В. Н. Ногтева поступила в консерваторию осенью 1926 года на инструкторско-педагогический факультет. В опросном листе для поступающих, отвечая на вопрос пункта 11: «Намерены ли по окончании курса Консерватории стать профессиональным муз. работником и в какой именно специальности, или же обучаетесь музыке для пополнения своего образования вообще или в виде подсобного знания?», она указала, что «*намерена стать профессиональным работником в деле музыкального просвещения масс в провинции (в Туркестанском крае) и, в частности, для собирания, записывания и обработки народного музыкального материала Туркестанского края*» [11, л. 9]. Поиск истоков интереса В. Н. Ногтевой к собиранию фольклора (возможно, повлияло обучение в классе Ю. Н. Тюлина в Ленинграде во Втором музыкальном техникуме), а также наличия и степени его дальнейшей реализации в профессиональной деятельности пока остаются перспективами исследования.

Представленные документальные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Разработка учебных планов и программ для подготовки специалистов по музыкальному фольклору в рамках музыковедческих специализаций осуществлялась в Ленинградской консерватории в конце 1920-х годов параллельно с развитием экспедиционной деятельности, становлением идеи формирования фольклорно-этнографического фонограммархива всесоюзного значения как базы для научных исследований народной музыки. Подготовка музыкантов-исследователей музыкального фольклора была обусловлена актуальными для того времени научно-исследовательскими задачами.

2. Состав преподавателей научно-музыкального отделения был немногочисленным, при этом даже педагоги, не связанные непосредственно с ведением дисциплин по музыкальному фольклору, включались в практическую экспедиционную работу (например, Ю. Н. Тюлин, Х. С. Кушнарев и другие). Думается, что это свидетельствует не только об этапе развития науки о музыкальном фольклоре (еще не выделившейся в самостоятельное научное направление), но и о понимании значимости для композиторов и музыковедов знания народной музыки как высокохудожественной части мирового музыкального наследия.

3. Впервые представленные документальные подтверждения наличия контингента обучающихся (тоже малочисленного, что в целом было характерно для открытого в 1925 году в консерватории музыковедческого направления) позволяют утверждать, что в отечественной системе профессионального

музыкального образования музыкально-фольклористическое направление развивалось практически одновременно с началом подготовки профессиональных музыковедческих кадров. Очевидно, что современные учебные планы предлагают студентам, обучающимся по специальности «музыковедение», более скромные возможности для погружения в специфику народной музыки как с теоретической точки зрения, так и с практической. Для сравнения укажем, что в большинстве современных учебных планов сохранились две дисциплины — «Народное музыкальное творчество» и «Фольклорно-этнографическая практика», которая реализуется в большинстве случаев стационарно. При этом отметим, что во многих вузах сегодня осуществляется подготовка по профилю «Этномузыкология» (направление «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство», уровни бакалавриата и магистратуры), который, напротив, включает большой объем дисциплин, связанный не только с формированием научно-исследовательских навыков, но и исполнительских, что важно в связи со все возрастающей актуальностью решения задач по сохранению нематериального культурного достояния народов России, к которому, безусловно, принадлежат многие подлинные образцы народной традиционной музыкальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобкова Г. В. Этномузыкология в системе высшего образования: история формирования научно-образовательного центра в Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова // Народные традиции: музыка – поэзия – танец. 2021. № 1 (1). С. 32–44. DOI 10.53086/2713-0452-2021-1-1-003.
2. Данько Л. Г. Первые годы работы Б. В. Асафьева в Петроградской консерватории. Приложение: Учебный план 1928–29 гг. Справочно-биографический материал // Петербургские страницы русской музыкальной культуры: сборник статей и материалов / Ред.-сост.: Л. Г. Данько, Т. В. Брославская. СПб.: б/и, 2001. С. 96–108.
3. Дорохова Е. А., Пашина О. А. Жизненный и творческий путь Е. В. Гиппиуса // К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса: Материалы и статьи. М.: Композитор, 2003. С. 7–17.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 759. 19 л.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 1. Д. 135. 69 л.

6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1185. 32 л.
7. *Подрезова С. В.* «Хороший человек — без интриг; свободен и может ехать»: три эпизода биографии Е. В. Гиппиуса // *Opera musicologica*. 2024. Т. 16. № 2. С. 60–81.
8. *Редькова Е. С.* Из истории первых экспедиций Этнографического кабинета Ленинградской консерватории // *Opera musicologica*. 2019. № 3 [41]. С. 44–55.
9. *Кремлёв Ю. А.* Ленинградская государственная консерватория (1862–1937). М.: Музгиз, 1938. 178 с.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 251. 81 л.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 2328. 26 л.
12. Архив СПбГК. Д. 30а. 136 л.

REFERENCES

1. *Lobkova G. V.* Jetnomuzykologija v sisteme vysshego obrazovanija: istorija formirovanija nauchno-obrazovatel'nogo centra v Sankt-Peterburgskoj gosudarstvennoj konservatorii imeni N. A. Rimskogo-Korsakova // *Narodnye tradicii: muzyka – poezija – tanec*. 2021. № 1 (1). S. 32–44. DOI 10.53086/2713-0452-2021-1-1-003.
2. *Dan'ko L. G.* Pervye gody raboty B. V. Asaf'eva v Petrogradskoj konservatorii. Prilozhenie: Uchebnyj plan 1928–29 gg. Spravochno-biograficheskij material // *Peterburgskie stranicy russkoj muzykal'noj kul'tury: sbornik statej i materialov* / Red.-sost.: L. G. Dan'ko, T. V. Broslavskaja. SPb.: b/i, 2001. S. 96–108.
3. *Dorohova E. A., Pashina O. A.* Zhiznennyj i tvorcheskij put' E. V. Gippiusa // *K 100-letiju so dnja rozhdenija E. V. Gippiusa: Materialy i stat'i*. M.: Kompozitor, 2003. S. 7–17.
4. CGALI SPb. F. 298. Op. 2. D. 759. 19 l.
5. CGALI SPb. F. 298. Op. 1. D. 135. 69 l.
6. CGALI SPb. F. 298. Op. 2. D. 1185. 32 l.
7. *Podrezova S. V.* «Horoshij chelovek — bez intrig; svobodn i mozh et ehat'»: tri jepizoda biografii E. V. Gippiusa // *Opera musicologica*. 2024. Т. 16. № 2. С. 60–81.
8. *Red'kova E. S.* Iz istorii pervyh jekspedicii Jetnograficheskogo kabineta Leningradskoj konservatorii // *Opera musicologica*. 2019. № 3 [41]. С. 44–55.
9. *Kremlov Ju. A.* Leningradskaja gosudarstvennaja konservatorija (1862–1937). M.: Muzgiz, 1938. 178 s.
10. CGALI SPb. F. 298. Op. 4. D. 251. 81 l.
11. CGALI SPb. F. 298. Op. 2. D. 2328. 26 l.
12. Arhiv SPbGK. D. 30a. 136 l.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Редькова Е. С. — кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкологии;
e_redkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4073-3308
SPIN-код: 2119-5522

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Redkova E. S. — Cand. Sci. (Arts), Ass. Prof. of the Dept. of Ethnomusicology;
e_redkova@mail.ru
ORCID: 0000 0000-0003-4073-3308
SPIN-code: 2119-5522